

НАТАН ЗУТТ

ЧЕТЫРЕ -
ЧИСЛО
СМЕРТИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-95

Иллюстрация на переплете РYXCHTA

Иллюстрация на форзаце DAFAQ

Зутт, Натан.

3-95 Четыре — число смерти / Натан Зутт. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-210439-8

Ученик монаха Чжень становится между его родной деревней и ордой чудовищной Саранчи, пришедшей из бескрайних степей. Даос Янь Ляо, заклеянный колдуном, движется к своей мести. Хотя и сам не знает, кто его настоящий противник. Командующий цзу Лей отправлен самим Императором на север, чтобы навсегда истребить колдунов, монахов и прочую нечисть. Все трое движутся по своему Пути, даже не зная о том, что дни привычного им мира уже давно сочтены.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210439-8

© Зутт Н., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

新裂齐纨素，皎洁如霜雪。
裁作合欢扇，团团似明月。
出入君怀袖，动摇微风发。
常恐秋节至，凉飏夺炎热。
弃捐篋笥中，恩情中道绝。
樂府¹

¹ «Песня о моей обиде» в переводе Вахтина Б. Б.

Оторвала кусок я белейшего шёлка из Ци,
Бел и чист он, как иней и снег.
Сшила шёлковый веер с орнаментом «слитная радость»,
Круглый веер — такой, как луна.
Только из рукава господин этот веер достанет,
Лишь взмахнёт — и прохлады вокруг.
Но боюсь возвращенья осеннего ветра —
Летний зной он от нас унесёт.
И тогда господин бросит веер ненужный,
Не жалея его, не храня.

Пролог САРАНЧА

За четыре года до битвы

Чжень не любил дни, когда нужно было идти в храм. Само здание было старым и неухоженным, путь к нему пролегал через наспех сложенную гать, да к тому же предстояло ещё несколько часов подниматься вверх по холму. Мальчик с большим удовольствием остался бы в поле, и, хоть работа под палящим солнцем была не из лёгких, всё равно не стал бы бросать её ради такого долгого путешествия. Храм производил на него гнетущее впечатление. Каждый раз, когда мальчик оказывался под треугольной покатою крышей, когда вдыхал запах странных южных благовоний и когда смотрел на жутковатые рисунки на стенах, его охватывали дрожь и тошнота. Но сильнее всего Чжень боялся монаха, живущего в храме: невероятно огромного, жирного и вечно потеющего лысого человека со щеками, свисающими до самой шеи. Звали его Ши Даоань, он был мудрецом и, если верить историям, что рас-

сказывали друг другу деревенские мальчишки, людоедом.

Чжень спрятался за отца, когда Ши Даоань вышел из небольшого домика поприветствовать деревенских. Всего сорок человек, не считая детей, приходили сюда каждые шестнадцать дней, чтобы помолиться духам и помянуть своих мертвецов. Никто не осмеливался входить в храм без Ши Даоаня, и иногда приходилось несколько часов ждать во внутреннем дворе, пока толстяк выйдет из своего дома. В тот день, впрочем, мужчина вышел из своего убежища почти сразу же. Лицо его, обезображенное всё той же общей тучностью, казалось особенно мрачным и пугающим. Ши Даоань открыл свой непомерно большой лягушачий рот, и голос великана раскатом грома прокатился по внутреннему двору и, возможно, даже скатился с холма.

— Вы пришли на день раньше, — заговорил исполин, и Чжень сильнее прижался к отцу. — Это дурной знак. Дух Атори предупреждал меня об этом.

— Простите, господин Ши Даоань, — спокойно ответил ему отец Чжени. Он не был старшим из пришедших на холм мужчин, но был наиболее смелым. По крайней мере, в этом был уверен сам Чжень. В конце концов, его отец семь лет провёл на войне и сражался под знаменем самого генерала Дун Чжо. — Но не стоит держать нас за дураков. Мы пришли к вам ровно на шестнадцатый день, как и все годы до этого.

— Дурак! — Глазки Ши Даоаня, и без того маленькие и еле заметные, сузились ещё сильнее. Теперь их почти полностью поглотили безраз-

мерные щёки великана. — Говорю тебе, прошло пятнадцать дней. Вы сбились со счёта.

— Не все же разом! — воскликнул кто-то из толпы позади Чжениа.

— В том-то и дело, — голос монаха стал тише. — Это знак. Дух Атори предупреждал меня. Идите в храм, все вы.

Люди покорно двинулись вперёд, не решаясь спорить с Ши Даоанем. Только отец Чжениа замешкался на секунду, но, поймав строгий взгляд монаха, двинулся следом за остальными жителями деревни. Вскоре все сорок человек вместе с детьми оказались в храме и начали нерешительно оглядываться по сторонам. На первый взгляд ничего не изменилось, и все же Чжень чувствовал приближение беды. Словно что-то пошло очень сильно не так. Краем глаза он успел заметить, как Ши Даоань крепит к стене храма бумажный амулет.

— Отец, — тихо сказал мальчик. — я чувствую что-то неладное.

— Мы все чувствуем, — так же тихо ответил тот. После чего крикнул вслед исчезнувшему в домике монаху: — Что происходит, Ши Даоань?

— Беда, — послышался голос великана. — Сидите здесь, закройте двери. Атори предсказал этот день.

— Так не пойдёт, — отец Чжениа мягко отстранил сына и сделал шаг по направлению к выходу из храма. — Если что-то случилось в деревне, мы идём туда. Там остались наши семьи.

Но стоило мужчине, ранее не отступавшему ветерану многих сражений, лишь коснуться носком порога храма, как ярко-жёлтая вспышка

сперва ослепила его, а затем и отбросила назад. Сияющий пузырь остался натянутым в дверном проёме, и жители деревни отхлынули назад, читая защитные молитвы и вознося хвалу духам. «Колдовство», — шептали со всех сторон от Чжени. Мальчик же склонился над упавшим отцом: к счастью, тот был крепким и после падения на выложенный из камня пол отделался лишь шишкой на голове. В дверном проёме вновь появился Ши Даоань. На груди его теперь был грубый тканевый доспех, кожаный наплечник прикрывал левую руку и часть шеи, а в правой руке исполина лежало длинное копьё. Дюжина разноцветных лент украшали древко.

— Я спасу ваши семьи, — спокойно ответил толстяк. — Вы не готовы встретиться с тем, что ждёт вас под холмом. Атори предсказал этот день.

— Да что ты заладил! — Отец Чжени одним прыжком оказался на ногах и снова двинулся в сторону выхода. — Я был на войне, я знаю, как владеть и клинком, и копьём цзи, и луком. Многие здесь уже сражались с разбойниками и гурами. Сними своё заклинание, и мы пойдём с тобой!

Толстяк только покачал головой. Он взмахнул рукой, и двери храма захлопнулись прямо перед носом у деревенских мужчин. Из-за закрытых дверей до них донёсся голос монаха:

— Вы не готовы к встрече с саранчой. Атори предсказал этот день.

Толпа замолчала, а потом завыл ветер. Мужчины растерянно смотрели друг на друга, не зная,

что им делать. Так прошли долгие секунды, а затем отец Чжениа взревел:

— Да плевать! И степных чудовищ порублю, если придётся! — И почти сразу же после этих слов храм содрогнулся, а с потолка посыпались каменная крошка и солома — это отец Чжениа со всей силы влетел плечом в храмовую дверь. Затем ещё раз и ещё, пока наконец остальные мужчины не пришли в себя и не начали помогать. Через несколько минут, с надсадным скрипом, слетели петли, и одна из дверей упала на землю. Отец Чжениа ударил по жёлтому пузырю, и его снова отбросило в глубину храма. Чжень прекрасно знал, что отца это не остановит. Тот встал и упрямо пошёл вперёд, схватив небольшую деревянную лавку, и попробовал с её помощью выбраться из храма. Но жёлтый пузырь расколол импровизированный таран в щепки, а самого упрямыа в очередной раз отбросил назад. Отец Чжениа злился всё сильнее, вселяя страх и в мальчика, и в собравшихся в храме мужчин. Никто, впрочем, не решился остановить или успокоить его, как и всегда. Все боялись связываться с ним, когда тот выходил из себя. Даже когда он в третий раз отлетел от магической преграды, а из разбитого лба его потекла густая кровь — никто не осмелился остановить его. Отец Чжениа снова поднялся на ноги и с хриплым рыком направился к выходу. Новая вспышка отбросила его ещё дальше, чем прежде, и на этот раз мужчине понадобилось несколько секунд, чтобы подняться. Со стены, в которую его впечатало защитное заклинание, осыпалась белая краска и деревянная отделка.

Мальчик оглядел храм. Всего пара окон и те у самого потолка. Даже если добраться до них, взрослый мужчина вылезти не сможет. И всё же можно попробовать.

— Отец, — подавляя дрожь в голосе, заговорил мальчик. Мужчина резко повернулся к нему — в глазах его горело пламя, кулаки были сжаты. Кровь теперь заливала всё лицо, и мужчина больше походил на демона. — Я видел, как монах крепит амулет к стене храма. Если я смогу вылезти через окно, то сорву его. Может, тогда заклинание пропадёт?

— Ну так не стой, — рявкнул на него отец. Мальчик кивнул и побежал к одному из окон. Кто-то из деревенских мужчин молча подсадил его, и, пусть не без труда, Чжень смог ухватиться за небольшой выступ. Подтянувшись на руках, мальчик быстро влез в окно. Легко спрыгнув, он немного ушиб ноги, после чего и прихрамывая, поскакал к выбитой двери храма. Бумажный амулет горел волшебным жёлтым светом. Чжень сделал шаг по направлению к нему и остановился. «А что, — вдруг пронеслось в его голове. — если его нельзя трогать? Если меня ударит молния или земля проглотит?»

— Чего разинул пасть, — отвлёк мальчика голос отца. Тот стоял прямо перед жёлтым пузырьём и смотрел на сына исподлобья, даже не потрудившись вытереть кровь. — Давай!

— Да, отец, — Чжень быстро кивнул и без раздумий схватился за бумажный амулет. Ничего не произошло. Вздыхнув, мальчик сорвал его со стены: амулет, кажется, держался на одной лишь медной

булавке. Сразу же после этого жёлтый пузырь, преграждавший путь деревенским мужчинам, исчез.

— Отлично, — зарычал отец Чжени, хищно усмехаясь. — Молодец, парень. Глянь, не осталось ли у этого жирдяя ещё оружия.

Мальчик послушно кивнул и бросился к домику Ши Даоаня. Внутри он не обнаружил ничего, кроме расстеленной на полу циновки, котелка, маленькой каменной печки и десятка свитков на полу.

— Ничего, отец, — крикнул Чжень и уже хотел было выйти из домика, как вдруг заметил плохо подогнанную половицу на деревянном полу. Никто из деревенских не стелил пол, никто не тратил драгоценное дерево на бессмысленную роскошь. Мальчик подошёл поближе и осторожно поддел половицу. Увы, под ней ничего не было, кроме разве что пары кожаных лент и маленького ножа. «Скорее всего, — решил про себя Чжень, — толстяк просто позабыл про него в пылу сборов». Мальчик схватил нож и бросился во внутренний двор. Мужчины уже покинули храм и быстро спустились по холму, к гати. Чжени вновь замутило от предчувствия скорой беды, но поделать с этим мальчик ничего не мог. Он бросился вниз следом за отцом, зажав маленький нож в руке. Солнце всё выше вставало над обречёнными крестьянами, а с севера к деревне приближалась саранча.

Мужчины и дети шли вперёд, стараясь как можно быстрее преодолеть расстояние, отделявшее их от дома и от семей. С севера уже доносился раскатистый бой барабанов, от которого у Чжени всё внутри словно переворачивалось. И всё же он

не смел отстать от остальных и бежал рядом с отцом, прижимая к груди маленький нож. Через час или полтора, когда солнце уже было в зените, они увидели родные хибарки — и стоящего на единственной тропе к деревне толстого монаха Ши Даоаня. Тот встретил мужчин мрачной улыбкой и холодно сказал:

— Значит, вы сделали свой выбор. Ваши жёны и старики идут на юг, по моему приказу. Вы можете бежать за ними, но боюсь, что не поспеете.

— Не мели чушь, — отец Чженя взревел от злости и негодования. — Мы будем драться. Не держи нас за каких-то трусов, монах!

— Дело ваше, — пожал плечами Ши Даоань, отчего по всему его жирному телу пошла дрожащая рябь. — Атори предсказал этот день. Берите оружие и стройтесь. Детей всё же отошлите на юг, может, они и смогут выжить.

— Не запугивай нас, монах, — проходя мимо Ши Даоаня процедил отец Чженя. — Мой десятилетний сын справился с твоей грязной магией, думаешь, мы не справимся с какими-то степными чудовищами?

Ши Даоань не ответил, лишь сузил глаза, вглядываясь в горизонт. Мужчины начали разбредаться по домам, а затем по одному возвращаться к монаху, держа в руках рогатины, луки, а кто-то и настоящие цзи — копья, ниже прямого наколенника которых располагался ещё и длинный острый крюк. Во главе деревенских мужчин стоял отец Чженя, как всегда. Старший из детей, сын охотника Цзинсун, вызвался защищать младших на пути по южной дороге. Ему выдали короткий

топор и попросили не впутываться в неприятности, после чего сразу же забыли и о нём, и о Чжене, и об остальных детях. Приближалось время резни.

— Идём, Чжень, — Цзинсун легонько толкнул мальчика, всё ещё замороженно смотрящего на отца. — Нам нужно поспешить.

— Я останусь, — неуверенно возразил в ответ Чжень, крепче прижимая к себе маленький нож.

— Не дури, — Цзинсун отвесил товарищу подзатыльник, отчего Чжень лишь заскрежетал зубами. — Ты никому не поможешь, а будешь только мешаться под ногами.

— А если с отцом что-то случится?

— Тогда у твоей матери останешься ты. А если умрёте вы оба, госпожа Айминь умрёт сперва от горя, а потом от голода.

Чжень кивнул. Он знал, что его старший товарищ прав. Цзинсун был очень рассудительным, все дети его уважали. Когда малыши ссорились или ругались, часто просили рассудить их спор не взрослых, у которых и так было полно дел в деревне, а сына охотника Цзинсуна. Вздохнув, Чжень пошёл за ним. Небольшая колонна детей уходила от обречённой деревни, и это был последний раз, когда Чжень видел своего отца живым.